

✂

Почти всё лето я проводил за городом: южная стрекочущая прямокрылая степь, велосипед. Все полдни похожи друг на друга — застывший мир высокого солнца. В один из них злаковая вибрация была опрокинута новыми звуками. Четкими, громко-глухими ударами издалека и отовсюду. Возобновил работу законсервированный военный полигон, начали обучение бомбардировщики и их пилоты.

Застывший мир стал остановленным миром. Этот оглушающий скачок занял какой-то едва уловимый момент, свершился движением меньшим, чем смена позы рубиновой кобылки. Я был очень напуган, потерял чувство пространства и не сразу нашел дорогу назад.

Удары взрывов стали ежедневными, мир из остановленного стал застывшим.

✂

Во второй половине девяностых термин _остановка мира_ благодаря киевской Софии заразил самые разные организмы, от школьников до пенсионеров, от каратистов-предпринимателей до профессорской аристократии. Встроенное в него *странное обещание* сожгло, кажется, тысячи и тысячи личностей. Пепел тихо осел на странички narod.ru и встречи в ветшающих окраинных ДК.

Помимо остановки, были десятки других обещаний и инструкций. В большом мире их опасную силу смягчала совместность практик и надежд.

Сейчас слова и инструкции снова возвращаются в большой мир — и к нам, как теперь его части.

Возвращаются уже не звуком обещания, а в качестве необходимой техники выживания для многократно перенапряженных метаболических субстратов.

Когда одна индустриальная сборка почти полностью затихла, а другая еще не нащупала скелет своей эффективности, во многих заборах появляются дыры.

Одна из них вела на территорию ТЭЦ, производившей тепло и электричество для миллионного города.

Собаки лаяли, но не вставали с теплой земли, плотно вибрировавшей от работы турбин. По узкой тропинке между корпусом и водохранилищем можно было пройти к бетонным колодцам с отработанной водой. В них жили ветвистоустые дафнии, которые в подогретой и безопасной индустриальной среде выросли очень большими и спокойными. Их неподвижные стаи-облака отбрасывали мягкую тень на промышленный комплекс, переводя его оглушающий гул в режим mute. Лучший корм для питомцев.

Между выдохом одной индустриальной сборки и вдохом следующей есть полуденное плато бесконечного равновесия. Между этим плато и движением дыхания есть еще одна тень.

В этой тени интерфейсы становятся скользкими, заборы дырявыми, мембраны расслаивающимися, собаки сонными, кости гудящими, капиталы лихорадочными; видна пульсация источников света.

Когда недавно (через два десятка лет, больше?) я оказался на-производстве, меня встречала инициативная сотрудница из rg отдела, воздушный фильтр, одноразовая защита, собранные и гостеприимные люди, сотня контуров невидимых систем безопасности.

Новая индустрия вдохнула, открыла глаза и присматривает за своими дафниями.

Взрыв-схемы показывают строение различных аппаратов вплоть до каждого компонента, каждого соединения. Они как-бы отталкиваются друг от друга, парят в белизне, сохраняя, тем не менее, контур тела составленного ими устройства (с которым человеческие животные взаимодействуют в его твёрдой, не-парящей, не-взорванной фазе).

Если применить жизненно необходимые навыки медитации в движущемся метропоезде, мы подключимся к его движущейся взрыв-схеме. Наша мембрана разделит дыхание с мембранами огромной городской подземной машины.

Выполненная невпопад техника-эффективности может поднять в воздух осевший пепел странных обещаний.

Это может быть не поезд, а лента инстаграма.

Суммирую: есть два способа отношения с микро-тенью-движением (шаг дыхания / м-т-д / полуденное плато / м-т-д / шаг дыхания).

- 1) Обещание. Обещание остановки мира — и расцвета пламени других миров. Это сильное обещание. Оно случается всегда.
- 2) Ресурс. Для воспроизводства, переключения алгоритмов, поиска альтернатив, творческого мышления, виртуальных пространств, утопических горизонтов и т.д. Кризис, слом, сбой как ресурс-возможность. Всё так и есть.

Перемножающая эти два контейнера теоретическая схема видит в ничтожной паузе между стимулом и реакцией заросток свободы, отклонения, потока новой жизни.

Бергсон эту ничтожную паузу называл сознанием. В отечественной физиологии она была описана как центральное торможение через вставочный нейрон.

Скучающий ребенок, по необходимости взятый с собой на родительскую работу, я развлекался так: либо ходил в лес за шишками, либо спускался в длинное темное бомбоубежище, через которое можно было пробраться в больничный морг и с волнением постоять на пороге (дальше идти не решался). Ни одна дверь никогда не была заперта.

Что это было? Катастрофа-деградация огромной системы? Время открытых дверей и упущенных возможностей?

Я собираюсь утверждать: ни то и ни это, и будет большой ошибкой считать, что это состояние утеряно в прошлом.

✂

Если мир может быть остановлен, если логистические цепи : всегда/через тень/разомкнуты!, если ничтожная пауза может стать почкой для огромного бокового побега — если мы знаем эту возможность, но не соблазнены ни взрывом, ни эффективностью —

Забота о следующем вдохе, забота о следующем выдохе. Забота, состоящая в том, чтобы перед следующим вдохом успеть прожить тысячу тысяч сложных и мудрых жизней. Вместе с ковылем и кобылками, вместе падающим снарядам и высохшей рекой, вместе с поездом и другими машинами, вместе с ежедневным блистательным трудом триллионов созданий, вместе с бесшумным солнцем и скачущим валютным курсом, вместе с холодным подземельем и теплыми собаками.